

ГОЛОДЪ

Иллюстрированное Обзоріе
 общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
 ПРИЛОЖЕНІЕ
 къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 4

Суббота 25 января (7 февраля) 1903 г.

№ 4

Голодъ въ Бретани, во Франціи. Типы и виды Бретани.

1) Молодая бретонка. 2) Молодая торговки. 3) Музыканты, играющіе на волынкѣ. 4) Старый рыбакъ на работѣ. 5) Рыбакъ въ воскресный день. 6) Отправленіе на ловлю сардинокъ. 7) Жены рыбаковъ ожидаютъ возвращенія барокъ. 8) Барки въ гавани въ воскресный день. 9) Раздача пищи голодающимъ жителямъ Бретани.

Голодь въ Бретани.

Въ Бретани большая кризисъ: внутри страны сильная нужда, а по побережью голодь. Таковы печальныя вѣсти, которыя приходятъ изъ „древней Арморикі“ въ столицу. И Парижъ не остается глухимъ къ страданіямъ бѣдныхъ бретонцевъ. Въ окрестности Бреста, Кенлера, Сенъ-Бриэ и на взморье откомандированы чиновники различныхъ министерствъ и сотрудники главныхъ парижскихъ газетъ. Изучаются причины общаго кризиса въ Бретани и спѣшно организуется казенная и общественная помощь голодающимъ. Отъ недавнихъ смуть и волнений изъ-за католическихъ конгрегаций какъ будто и слѣда не осталось; партійныя и религіозныя разногласія уступили мѣсто національной солидарности и братской привязанности. Нужды нѣтъ, что Бретань—совсѣмъ обособленный край, что бретонцы—отдѣльное племя, далеко отставшее отъ остальной націи и живущее собственной жизнью, коснѣя въ невѣжествѣ и приверженности къ затхлому старинѣ; они принадлежатъ къ французской семьѣ, и парижане относятся къ нимъ, какъ къ младшимъ братьямъ, имѣющимъ право на матеріальную и моральную поддержку въ случаѣ бѣды.

Съ своей стороны, и бретонцы, которые въ настоящее время всѣ свои надежды возлагаютъ на столицу и остальную провинцію, и въ инныя времена, какъ въ періоды матеріальнаго благосостоянія, такъ и въ дни гражданскихъ междоусобицъ, чувствуютъ себя тоже французами и не отрекаются отъ общаго отечества. Даже въ эпоху великой революціи они не думали отложиться отъ Франціи, и если они поголовно возстали и съ оружіемъ въ рукахъ долго боролись тогда противъ центрального правительства, то въ надеждѣ возстановить власть короля и церкви не для одной Бретани, но для всей Франціи. Есть, правда, въ Бретани кружки мѣстной интеллигенціи, которые стараются установить правильныя сношенія съ сородичами бретонцевъ въ Ирландіи и Уэльсѣ, но это „панкельтическое“ движеніе не имѣетъ ничего общаго съ духомъ политическаго сепаратизма.

Бретань—край очень бѣдный: здѣсь нѣтъ почти никакой фабричной промышленности, и, кромѣ земледѣлія; для жителей внутреннихъ мѣстностей, главнымъ источникомъ существованія для мѣстнаго населенія является морской промыселъ. Нѣтъ, кажется, бретонца, который въ послѣднемъ не былъ-бы заинтересованъ, прямо или косвенно. По всему побережью полуострова, изрѣзаннаго безчисленными заливами и бухтами и омываемаго съ трехъ сторонъ океаномъ, населеніе занимается исключительно рыбной ловлей, а подальше отъ берега работаютъ заводы рыбныхъ консервовъ. Главный уловъ бретонскихъ рыбаковъ составляетъ скумбрія (thon) и сардинка; обѣ эти породы рыбъ отсюда расходятся въ консервахъ по всему міру. Но доходность рыбнаго промысла крайне измѣнчива и поэтому матеріальное положеніе населенія Бретани подвергается частымъ колебаніямъ.

Въ маѣ прошлаго года только объ этомъ и было рѣчи въ Брестѣ, когда мэры ближайшихъ департаментовъ Финистеры и Морбигана собрались проводить президента республики, отправлявшагося въ Россію. На приемѣ въ префектурѣ представители генеральныхъ совѣтовъ этихъ департаментовъ указали г. Эмилю Лубе на чрезвычайно тяжелый кризисъ, который нарождался въ морскомъ промыслѣ, и просили о покровительственныхъ мѣрахъ со стороны правительства.

На банкетѣ мэровъ въ честь президента республики я разговорился съ представителями нѣсколькихъ рыбныхъ по-

селеній, привлекавшихъ вниманіе своими особенно живописными костюмами.

— Дѣла плохи, сказали они въ отвѣтъ на обязательный вопросъ на этотъ счетъ. Сардинка убываетъ, а rogue дорожаетъ.

Rogue — это специально обработанная тресковая икра, которая служитъ для приманки сардинки и привозится изъ Норвегіи.

— Вотъ, вы бы посѣтили насъ, гг. журналисты,—предложили они,—и посмотрѣли, какъ намъ трудно живется.

Это предложеніе было принято нѣсколькими коллегами, которые были рады совершить экскурсію и заодно сдѣлать удовольствие бретонцамъ, которые такъ убѣжденно признавали силу печати. И на другое утро послѣ отвѣзда президента республики мы отправились на пароходѣ въ Дуарнене, небольшой портъ южнѣ Бреста.

Настоящій кризисъ какъ разъ именно здѣсь чувствуется всего сильнѣе и сюда направляется теперь значительная часть пожертвованій, прибывающихъ изъ Парижа для бретонскихъ рыбаковъ. Дуарнене дѣйствительно главный центръ „сардинщиковъ“ (sardiniers). Здѣсь у выхода изъ глубокой бухты, baie de Douarpenez, ловится всего больше сардинки, а кругомъ городка работаютъ многочисленныя заводы рыбныхъ консервовъ. Теперь же почти всѣ эти заводы закрыты, а изъ 1200 рыбачьихъ барокъ, которыя приписаны къ этому порту, едва-ли сотня продолжаетъ „работать“ и выходитъ въ море. Морская глубина какъ будто опустѣла, она ничего больше не даетъ, и сѣти вытаскиваются почти „безжизненными“. Мэры Дуарнене и сосѣднихъ поселеній предвидѣли такой дурной сезонъ и жаловались намъ на равнодушіе мѣстной администраціи къ ихъ интересамъ. Дѣло въ томъ, что они недостаточный уловъ сардинки объясняютъ двумя разными причинами: съ одной стороны, искусственнымъ поднятіемъ цѣны на rogue и хищнической эксплуатаціей моря нѣкоторыми пришлыми предпринимателями.

Тресковая икра, которая служитъ приманкой для сардинки, бываетъ разныхъ сортовъ, но долгая практика доказала бретонскимъ рыбакамъ, что только норвежская, и именно икра, обработанная извѣстнымъ способомъ въ городѣ Бергенѣ, достигаетъ цѣли. Пробовали пускать въ ходъ тресковую икру американскую, а также сдѣланы были опыты съ суррогатомъ, приготовленнымъ изъ остатковъ, получаемыхъ при фабрикаціи консервовъ, но сардинка по прежнему подавалась только на норвежскую икру. А этого рода rogue въ Бергенѣ имѣется ежегодно лишь сравнительно ограниченное количество, которое зависитъ тоже отъ измѣнчивыхъ мѣстныхъ условий, и цѣны на этотъ необходимый „сардинщикамъ“ продуктъ, сильно колеблются. Посредники-импортеры всегда пользуются положеніемъ и искусственно повышаютъ цѣны до крайнихъ размѣровъ. Бочка стоитъ то 40 фр., то 15 фр. Между ними существуетъ нѣчто вродѣ треста, и всѣ старанія бретонскихъ рыбаковъ освободиться изъ-подъ ихъ власти остались тщетными. Синдикаты рыбаковъ желали выписывать rogue непосредственно изъ Бергена и даже посылали туда агента, но тамъ предпочитаютъ имѣть дѣло съ импортерами и продавать имъ каждый годъ весь продуктъ оптомъ. Бретонцы требуютъ вмѣшательства судебной власти, такъ какъ стачка между посредниками и захватъ какого-либо продукта для искусственнаго повышенія цѣны представляетъ по уголовному кодексу наказуемое дѣяніе, но прокуратура ихъ доводовъ не слушается.

Хищническая эксплуатация моря производится прежде всего поставщиками химическихъ заводовъ, которые извлекаютъ изъ воды морскую растительность безъ

системы, внѣ сезона, безъ особой пользы для себя, нанося непоправимый вредъ рыбакамъ. Когда нѣтъ достаточно этой растительности, сардинки негдѣ метать икру и она уходитъ къ другимъ берегамъ. Крайне вредны также въ этомъ отношеніи конкуренты бретонскихъ рыбаковъ: поедприниматели, занимающіеся ловлей сардинки у береговъ Бретани съ пароходовъ особой системы сѣтями, которыя разрываютъ и портятъ всю растительность на своемъ пути.

Пеняютъ бретонскіе рыбаки и на Гольфстремъ, который часто мѣшаетъ сардинкѣ въ ея привычкахъ; но тутъ уже правительственную власть, разумѣется, ни въ чемъ винить нельзя. Страдаютъ они кромѣ того и отъ слишкомъ богатаго улова, когда сардинки оказывается слишкомъ много. Цѣны тогда дѣйствительно падаютъ такъ низко, что едва окупаютъ расходы на тресковую икру, на снаряженіе барки, на сѣти. Словомъ, положеніе сардинщиковъ въ Бретани всегда крайне измѣнчивое, и поэтому во всякій кризисъ въ морскомъ промыслѣ вызывается здѣсь полная нищета. И нищета эта тѣмъ болѣе ощутительна, что бретонцы, въ отличіе отъ настоящихъ французовъ, народъ крайне плодовитый, и что у нихъ въ рѣдкой семьѣ меньше 6—7 дѣтей.

Сардинщики ведутъ крайне тяжелый, суровый образъ жизни. Въ періоды рыбной ловли они шесть дней въ недѣлю проводятъ въ открытомъ морѣ. На ихъ утлыхъ суденышкахъ нѣтъ даже того примитивнаго комфорта, въ которомъ не отказываютъ арестантамъ плавучихъ морскихъ тюремъ; у рыбаковъ нѣтъ ни матрацевъ, ни гамаковъ и они спятъ на жесткихъ скамьяхъ, нахолодѣивавъ. Цитаются они всю недѣлю вареной рыбой и хлѣбомъ, слегка намазаннымъ низшаго сорта саломъ. Отправляются они въ воскресенье ночью въ открытое море и возвращаются къ молу порта на другой же день къ вечеру, но лишь для того, чтобы дѣлать свой уловъ, прочистить свои сѣти, забрать новый запасъ приманки для сардинки и прованта для себя, чтобы пуститься затѣмъ обратно. Возвращенія барокъ каждый вечеръ на молъ ждутъ жены рыбаковъ, которыя ведутъ переговоры съ скупщиками. Чѣмъ мельче сардинки, тѣмъ больше за нихъ платятъ, такъ какъ крупныя экземпляры неудобны для консервныхъ фабрикъ; цѣны за тысячу колеблются отъ 1 до 70 франковъ, смотря по сезону, по обилію рыбы въ ближайшихъ водахъ. Слишкомъ богатый уловъ является бѣдствіемъ для сардинщиковъ; что же касается потребителей, то для нихъ стоимость сардинокъ, особенно въ консервахъ, остается безъ измѣненія: коробки въ 7—8 штукъ перваго сорта—90 сант., втораго сорта—50—60 сант.

— Если государство не придетъ скоро на помощь нашимъ рыбакамъ,—сказали намъ мэры Дуарнене,—то ему придется кормить ихъ въ концѣ концовъ на средства казны. Вѣдь не позволить же Франціи дать бретонцамъ умереть съ голода, а собственными средствами они существовать больше не могутъ, пока не измѣнятся условія ихъ тяжелого труда.

Покровительственныя мѣры, которыхъ ожидаютъ бретонскіе рыбаки, должны заключаться въ субсидированіи рыбачьихъ синдикатовъ, въ урегулированіи работы пришлыхъ предпринимателей, въ прекращеніи стачки импортеровъ тресковой икры, въ сокращеніи эксплуатаціи рыбаковъ скупщиками и фабрикантами. Когда рыбакамъ придется считаться только съ капризами самой сардинки и съ варіаціями Гольфстрема, тогда имъ, можетъ быть, станетъ легче дышать.

Парижъ,
въ январѣ 1903 г.

Е. Дмитриевъ.

При дворѣ мароккискаго султана.

(Разсказъ очевидца).

Уже послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Фецѣ, когда интересъ къ необычайной обстановкѣ окружающаго охлаждаетъ, иностранецъ обыкновенно начинаетъ тамъ скучать и томится въ пустомъ, оригинальномъ домѣ, построенномъ въ мавританскомъ вкусѣ, который султанъ Мулей-Абдуль-Азизъ обыкновенно предоставляетъ въ распоряженіе прѣзжихъ, посѣщающихъ столицу по его приглашенію. Непоборимая тоска, которая лежитъ тамъ на всемъ, дополняетъ остальное, и прѣзжій благословляетъ послѣобѣденныя часы, если ему удается провести при дворѣ султана; а приглашаютъ туда всѣхъ европейцевъ хотя бы и съ маленькимъ въсомъ. Тамъ можно немного развлечься и поболтать, хотя возбуждающихъ политическихъ бесѣдъ тамъ не ведутъ и больше всего играютъ въ лаунъ-теннисъ, что особенно любить самъ султанъ. Европейцы собираются обыкновенно около пяти часовъ на вѣшнемъ дворѣ дворца „Бцелюдь“, куда султанъ переселился изъ своего главнаго дворца „Дарь-магизена“ (т. е. дома правителя страны) по предписанію врачей, такъ какъ послѣдній расположенъ вблизи загрязненной рѣчки, — чтобы тамъ отдохнуть за пріятной бесѣдой послѣ сытнаго обѣда у приближеннаго султана, англичанина Гарри Моклеана.

Скоро появляется и султанъ. Когда я его впервые увидѣлъ, я былъ сильно разочарованъ. Вмѣсто одного изъ тѣхъ дѣйствительно пріятныхъ лицъ, которые такъ часто обращаютъ на себя вниманіе на улицахъ Фецы, я увидѣлъ суровое лицо мулата, не лишенное извѣстной доли симпатіи, но во всякомъ случаѣ не притягивающее къ себѣ. Султану всего 21 годъ отъ роду, но смотритъ онъ по крайней мѣрѣ лѣтъ сорока. Движеніемъ руки онъ пригласилъ всѣхъ снова занять свои мѣста, а мнѣ указавъ мѣсто возлѣ себя. Такъ какъ онъ говоритъ только по-арабски, то пришлось бесѣдовать черезъ переводчика. Онъ особенно заинтересовался моимъ туалетомъ, о каждой части его расспрашивалъ — почему это такъ, а не иначе, и все время съ явной завистью смотрѣлъ на мой дѣйствительно не въ мѣру высокий воротничекъ. Онъ увѣрилъ меня, что завтра и онъ одѣнется по модному, и на другой день мы увидѣли султана въ ярко-красномъ жилетѣ съ золотыми пуговицами и высокою бѣлою воротничкѣ, которые онъ гордо носилъ въ сочетаніи съ частями арабскаго костюма.

Эта любовь къ подражанію сквозитъ во всѣхъ начинаніяхъ султана. Ибо, что, въ сущности, представляютъ собою пріобрѣтенія европейской культуры, изъ-за которыхъ въ странѣ теперь вызваны серьезныя военныя осложненія? Въ Европѣ вѣрятъ, что султанъ своего рода мученикъ за свои убѣжденія, и думаютъ, что это необыкновенный человекъ, который во имя западно-европейской культуры готовъ пожертвовать трономъ и жизнью. Но совершенно иначе все это представляется тому, кто имѣлъ возможность лично ознакомиться съ дѣятельностью султана. Прежде всего меня поразила дѣлая куча разноцвѣтныхъ дѣтскихъ колясокъ въ одномъ изъ сараевъ дворца. Доставка ихъ въ Фецъ несомнѣнно поглотила много тысячъ рублей. Два французскихъ пиротехника ежедневно выгружали цѣлыя вагоны факеловъ и фейрверковъ, которые были предназначены для вечерняго развлечения его султанскаго величества, а дюжина дорогихъ автоматическихъ панино лежали совершенно заброшенными въ погребѣ. Въ Фецѣ мнѣ пришлось видѣть самыя дорогія автомобили, но и самыя скверныя дороги и мостовыя. Послѣднее лучше всего характеризуетъ

руководящее начало во всѣхъ султанскихъ предпріятіяхъ. На первомъ планѣ поставлено легкомысленное стремленіе удовлетворять свои минутныя желанія, и я увѣренъ, что султанъ совершенно не думаетъ, что идеи его принесутъ благополучіе странѣ. Невольно чувствуешь, что этотъ человекъ въ глубинѣ своей души еще слишкомъ преданъ мавританскимъ взглядамъ, ихъ древней культурѣ и отсталому консерватизму своихъ предковъ. Только благодаря случаю онъ вышелъ нѣсколько изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ протекла жизнь его предковъ. Онъ былъ плѣнникомъ великаго визиря до своего восемнадцатилѣтняго возраста. Когда старикъ умеръ, Мулей-Абдуль-Азизъ достигъ трона и приблизилъ къ себѣ англійскаго офицера Гарри Моклеана, прослужившаго раньше около 25 лѣтъ на Гибралтарѣ и преклонившаго свои колѣни передъ новымъ правителемъ Марокко. Султанъ обратилъ вниманіе на длинный сапоги офицера, одѣтаго на половину по европейски, на половину по-арабски, и былъ можетъ, именно эти сапоги впервые вызвали въ султанѣ желаніе подражать европейцамъ. Моклеанъ своими разказами еще болѣе возбуждалъ въ султанѣ это чувство, и въ страну начали проникать всякаго рода англійскія развлечения и забавы: лаунъ-теннисъ, кинематографы, воздушные шары и пр.; появились англійскіе матеріалы, англійскія иллюстрированныя изданія, англійскіе техники; каждый день приносилъ султану цѣлый рядъ новыхъ развлеченій, сюрпризовъ. И несмотря на такія пріобрѣтенія европейской культуры, введеніе которыхъ сопряжено было со многими затрудненіями, пробраться изъ дворца султана въ одинъ изъ его загородныхъ садовъ во время дождя оказывается невозможнымъ, такъ какъ при этомъ легко можно утонуть въ болотѣ. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что за послѣднее время султанъ реформировалъ систему обложения въ странѣ съ цѣлью облегчить податное бремя для населенія и значительно улучшилъ положеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ, устройство которыхъ до тѣхъ поръ было во истину варварское.

Моклеана обвиняютъ въ томъ, что онъ, благодаря своему посредничеству, слишкомъ разбогатѣлъ. Но слухи объ этомъ преувеличены. Султанъ хорошо знаетъ цѣну деньгамъ и притомъ доставка каждаго предмета въ Марокко обходится такъ дорого, что вознагражденіе за посредничество только при покупкѣ не можетъ быть большимъ. Несомнѣнно, что Моклеанъ больше заботился объ интересахъ Англій и о завоеваніи положенія при дворѣ султана. Англія оцѣнила его услуги и недавно дала ему титулъ баронета. Послѣ возвращенія послѣдняго мароккискаго посольства изъ Европы вліяніе Моклеана ослабло. Очевидно, во время отсутствія послѣдняго султанъ снова подпалъ подъ вліяніе арабскихъ сферъ и по возвращеніи посольства мавръ Менеби, стоявшій во главѣ въ качествѣ военнаго министра, получилъ преобладающее значеніе при дворѣ султана. Благодаря вліянію этого вполне интеллигентнаго человека, лично познакомившагося съ европейцами, для послѣднихъ не были навсегда закрыты двери султанскаго дворца, какъ этого можно было одно время ожидать. Султану, несомнѣнно, было бы лучше безъ европейцевъ, но при всемъ томъ все осталось по старому.

Кромѣ придворнаго шута, довольно невзрачнаго араба съ татарскими чертами лица, во время нашей бесѣды съ султаномъ присутствовалъ изъ туземцевъ лишь одинъ Менеби, человекъ лѣтъ 27, очень ловкій, умный и преданный слуга султана. Общее наше впечатлѣніе было, что это человекъ съ великой будущностью.

„Я хотѣлъ бы знать,—говорилъ намъ про него одинъ изъ иностранныхъ

консуловъ,—когда онъ спитъ. Арабы вообще рано встаютъ, и утромъ въ 5 часовъ онъ уже у султана; до обѣда онъ обязательно присутствуетъ при пріемѣ султаномъ туземныхъ сановниковъ и послѣ того онъ самъ принимаетъ чиновниковъ во дворцѣ иногда до поздней ночи“. Удивительно, что теперь про него ничего не слышно въ Европѣ, но я увѣренъ, что онъ является душою всѣхъ начинаній мароккискаго правительства. Во время завтрака, даннаго султаномъ во дворцѣ въ честь своихъ европейскихъ гостей, я имѣлъ возможность ознакомиться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Абдуль-Слиманомъ и министромъ финансовъ, имя котораго улетучилось изъ моей памяти. Оба—любезные старики, которымъ очень къ лицу ихъ бѣлоснѣжное арабское платье. При дворѣ они рѣдко появляются, но европейцы всегда находятъ къ нимъ дорогу, когда нужно обдѣлывать какія-либо дѣла.

При дворѣ мароккискаго султана имѣются представители Франціи, Германіи, Англій (вышеупомянутый Моклеанъ) и Испаніи. Изъ европейцевъ, наиболѣе близкихъ теперь къ султану, слѣдуетъ на первомъ планѣ поставить англичанина Гарриса, который считается даже другомъ султана. Причину этой дружбы слѣдуетъ прежде всего искать въ томъ обстоятельстве, что Гаррисъ хорошо владѣетъ арабскимъ языкомъ и можетъ, слѣдовательно, объясняться съ султаномъ безъ переводчика. Затѣмъ Гаррисъ вообще большаго знатока и любитель востока, умѣетъ занимать султана, а когда этого требуютъ обстоятельства, то и держаться на приличномъ разстояніи, которое должно отдѣлять обыкновеннаго смертнаго отъ его султанскаго величества. Необходимо помнить, что султанъ особенно недоволенъ, если кто-либо покушается нарушить установленный при его дворѣ этикетъ. Гаррисъ живетъ на счетъ султана, но зато постоянно помѣщается въ англійскихъ газетахъ статьи о немъ и его странѣ. Представленіе, которое Европа имѣетъ о мароккискомъ султанѣ, составилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ статей Гарриса. Послѣдній извѣдиль страну вдоль и поперекъ и, несомнѣнно, является лучшимъ знатокомъ ея въ средѣ европейцевъ.

Во время моего пребыванія въ Фецѣ въ сентябрѣ прошлаго года о фанатикѣ Бухамарѣ, предводителѣ послѣдовавшаго теперь возстанія, тогда ничего не было извѣстно. Но броженіе уже замѣчалось. Правительство уже тогда ожидало всеобщаго взрыва религиозной вражды, которая обыкновенно проявлялась только въ опредѣленное время года со стороны сектъ гамдуши и айсоны. Первое извѣстіе о томъ, что отдѣльныя секты запасаются съѣстными припасами, заключаютъ между собою договоръ и исправляютъ свое оружіе, пришло изъ еврейскаго квартала въ Фецѣ, куда это извѣстіе было принесено бѣглецомъ изъ лагеря возставшихъ. Европейцы были за себя совершенно спокойны. Опытъ прошлаго не давалъ повода безпокоиться. Первое время опасались, что фази, т. е. коренныя жители города Фецы, возстанутъ первыми, когда начнутся беспорядки. Но теперь уже выяснилось, что городъ сохранитъ спокойствіе до тѣхъ поръ, пока претендентъ не одержитъ рѣшительной побѣды. Кромѣ несчастнаго Купера, который былъ убитъ еще до начала возстанія, ни одному изъ европейцевъ до сихъ поръ не причинено ни малѣйшаго вреда. Остается надѣяться, что такъ будетъ и дальше.

Какъ надо интервьюировать.

Интервью—одно изъ тѣхъ занятій газетнаго работника, которыя съ виду очень несложны, а на самомъ дѣлѣ требуютъ

М. Т. Рейнвальдъ,
сестра общины св. Георгія въ С.-Петербур-
бургъ, находящаяся во временной ко-
мандировкѣ въ Софіи.

М. Н. Бахметева,
супруга русскаго дипломатическаго
агента въ Софіи,
председательница комитета въ Софіи по
оказанію помощи македонцамъ.

Л. К. Чехова,
сестра общины св. Георгія въ С.-Петербур-
бургъ, находящаяся во временной ко-
мандировкѣ въ Софіи.

Съ фотографій Коростоянова въ Софіи, въ Болгаріи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Комитетъ по оказанію помощи македонскимъ въглецамъ на пути изъ
Софіи въ Дувицу. — Комитетъ состоитъ изъ г-на Бахметева, рус-
скаго дипломатическаго агента въ Софіи и его супруги, двухъ русскихъ
и двухъ болгарскихъ сестеръ милосердія и секретаря г. Чапрошкова.

Раздача пособій македонскимъ въглецамъ въ сел. Драгодинъ.

Македонскіе въглецы въ сел. Риль.

Македонскіе въглецы, нашедшіе пріютъ въ Рильскомъ монастырѣ.

Къ событіямъ въ Македоніи.
Съ фотографій Коростоянова въ Софіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Магараджа Кудъ-Бегара.

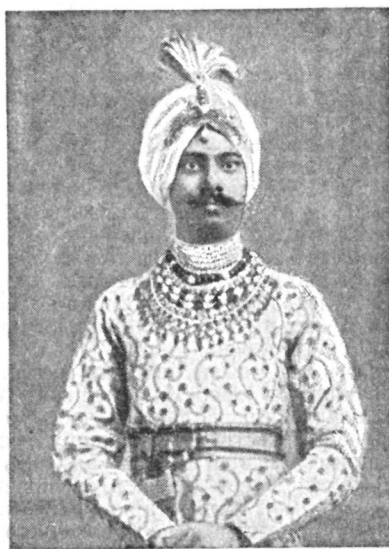
большого напряженія умственныхъ силъ, ловкости и такта. Обычай опроса выдающихся или интересныхъ лицъ по тѣмъ либо инымъ вопросамъ дня такъ развился за последнее время въ нашихъ столицахъ, какъ и въ провинціи, что не лишнее ознакомить начинающихъ интервьюеровъ съ тѣми выводами, къ какимъ пришелъ, на основаніи долготѣлннго опыта, извѣстный вѣнскій журналистъ Alfred Deutsch-Germann. Вотъ что онъ пишетъ:

„Пославъ предварительно письмо и получивъ отвѣтъ съ указаніемъ такого-то дня и часа, я являюсь къ интересующему меня субъекту и начинаю бесѣдовать на тему. Задача сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы опрашиваемое лицо не замѣтило, что оно подвергается допросу со специальной цѣлью воспроизвести потомъ весь разговоръ въ печати. Поэтому интервьюеру лучше всего держать руки въ карманахъ: положимъ, это не слишкомъ изящно, но зато собесѣдникъ будетъ спокоенъ. Сколько разъ приходилось мнѣ выслушивать отъ государственныхъ

Магараджа Ланкивъ.

людей просьбу „не запнесьвать“—они боялись, что я „дословно“ напечатаю нашу бесѣду! И такъ, первое требованіе, предъ-

Магараджа Прадіотъ.

явленное къ интервьюеру,—это обладаніе сильно развитой памятью.

Было бы ошибкой начинать разговоръ

Магараджа Идара.

съ той темы, которая является цѣлью свиданія: надо, чтобы опрашиваемое лицо само затронуло ее. И еще одно должно твердо помнить: пусть интервьюируемому кажется, что вся Европа, весь міръ прислушивается къ его рѣчамъ и бонтея проронить словечко! Впрочемъ, важная особы любятъ прикинуться равнодушными: имъ-де вовсе не важно, чего отъ нихъ ждетъ вселенная, и нѣтъ никакой охоты дѣлиться своими мыслями.

Интервью можетъ считаться „выгорѣвшимъ“, когда оно до конца велось съ тонъ принужденной болтовни и въ то-же время богато фактическими свѣдѣніями. Таковъ мой опытъ; приведу и примѣръ. Одна изъ самыхъ удачныхъ бесѣдъ была у меня съ Бертой Суттнеръ. Мы говорили въ теченіе часа обо всемъ. Но когда въ комнату вошелъ супругъ писательницы въ сопровожденіи пріятеля, которому онъ показывалъ свой паркъ, баронесса сказала: „Ты слишкомъ рано, мы пока только

Непальскій магараджа.

Джойпурскій магараджа.

Къ коронаціоннымъ торжествамъ въ Дели
(См. „Огонекъ“ № 3, стр. 17).

Багавальпурскій набобъ.

болтали; а теперь приступимъ къ серьезной бесѣдѣ. Вотъ бумага и карандашъ“.

Но я уже успѣлъ узнать отъ Суттнеръ все, что меня интересовало. Интервью было окончено.

Упомянувъ объ успѣхѣ, считаю нужнымъ описать и одну изъ постыдныхъ неудачъ. Въ Вѣну прибылъ маркизъ Ито; о немъ хотѣлъ знать весь міръ. Я послалъ карточку и получилъ приглашеніе явиться въ три часа пополудни. Встрѣтившій слуга провелъ меня въ приемную и сообщилъ, что „его превосходительство проситъ предъявить ему рекомендательное письмо министра иностранныхъ дѣлъ“. Я былъ пораженъ: къ министру я не имѣлъ никакого хода. Тѣмъ не менѣе я сталъ шарить по карманамъ, но, конечно, искомаго не нашелъ.

Маркизъ, однако, оказался неуступчивъ. Пока я ожидалъ рѣшенія, въ приемную вошелъ самъ Ито; отвѣтивъ на поклонъ, онъ молча выслушалъ мою просьбу. „Его превосходительство не говоритъ по-нѣмецки“, — сказалъ секретарь. Я прибѣгъ къ французскому. „Его превосходительство не владѣетъ французскимъ языкомъ“. Низкій поклонъ и обращеніе по-английски... съ такимъ же успѣхомъ. Провожая къ выходу, секретарь пытался меня утѣшить тѣмъ, что маркизу дѣйствительно предложено никого не принимать безъ рекомендаціи министра иностранныхъ дѣлъ. — А на какомъ языкѣ онъ съ вами говорилъ объ этомъ? — На французскомъ, — отвѣтилъ секретарь и добавилъ: впрочемъ, не скрою отъ васъ: его превосходительство свободно владѣетъ и нѣмецкимъ: вѣдь онъ учился въ Боннѣ.

То была позорная неудача.

Интервьюеръ долженъ быть скромнѣе и обладать чувствомъ такта — условіе не легкое, когда приходится бесѣдовать съ политическимъ дѣятелемъ объ иноземномъ правительствѣ, съ ученымъ — о его товарищахъ по призванію, съ актеромъ — о его антрепренерѣ. Нельзя печатать всего того, что порою подсказано интервьюируемому его пылкимъ темпераментомъ. „Все примѣчать, а лучшее — запомнить“, — таковъ девизъ интервьюера, желающаго избѣжать опроверженія.

Опроверженіе для него хуже чумы: оно обозначаетъ, что онъ либо не понялъ сказаннаго (значитъ — глупъ), либо напечаталъ то, чего не слышалъ (значитъ, лжецъ). Никогда не слѣдуетъ оставлять опроверженій безъ отвѣта; правда, ихъ содержаніе порою баснословно. Однажды я упомянулъ о „котѣ, который мурлыкалъ, сидя въ ларѣ“. Письмомъ въ редакцію было заявлено, что, во-первыхъ, не котъ, а кошка, а во-вторыхъ, сидя въ ларѣ, животное никогда не мурлычитъ. Однако, я бросилъ это возраженіе въ корзину: читатель не долженъ былъ усумниться въ моихъ натуралистическихъ познаніяхъ.

Наиболѣе рискованнымъ я считаю опросъ тѣхъ особъ, которые любятъ разгорячить интервьюера до послѣдней степени, а потомъ сразу окатить его ледянымъ душемъ. Пришлося мнѣ, напримѣръ, бесѣдовать съ венгерскимъ министромъ-президентомъ Шеллемъ; онъ обогатилъ меня массой любопытныхъ свѣдѣній, но закончилъ разговоръ такъ: „Собѣщайте вамъ обо всемъ этомъ, какъ частному лицу; ни одно слово не должно попасть въ газету, иначе я напечаталъ опроверженіе. И такъ... безъ интервью, не правда-ли?“

Такихъ случаевъ множество. Публика же неблагодарна: она вѣритъ, лишь тому, что можетъ прочесть.

Непосвященный скажетъ, что интервью забава, а не трудъ. Такъ думаютъ фельетонисты и критики, передовики и хроникеры. А между тѣмъ, сколько усилій приходится тратить на то, чтобы достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, какой подготовкой надо обладать, чтобы направить бесѣду именно на тѣ пути, ко-

торые интересны читателю. „Вы помните, конечно, ту рѣчь, которую я произнесъ 6 января 1892 года?“ — спрашиваетъ меня „особа“. Увы! одиннадцать лѣтъ спустя я ничего не могъ сказать объ этой знаменательной рѣчи, и сановникъ былъ очень недоволенъ. „Вы хотите побесѣдовать со мною? А скажите, знакомы ли вы съ моими трудами, о...?“ Нѣтъ, не знакомъ. — Въ такомъ случаѣ, — говоритъ ученый, — я пришлю ихъ вамъ на домъ: ознакомьтесь и пожалуйста ко мнѣ послѣ завтра“. Двѣ ночи напролетъ за книгой — и потомъ экзаменъ, который я сдать удовлетворительно. Только тогда ученый согласился отвѣчать на мои вопросы.

Еще труднѣе справиться съ „молчалиникомъ“. Припоминаю бесѣду съ известнымъ вѣнскимъ художникомъ. „Встрѣчались ли вы съ Макартомъ?“ — Да. — „А были дружны?“ — Да. — „Также въ частныхъ сношеніяхъ?“ — Да. — „Составились ли у васъ опредѣленное мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ и художникѣ?“ — Да. — „Въ дружескомъ кружкѣ всегда ли онъ былъ молчаливъ?“ — Да. — „А наединѣ съ вами — также?“ — Да.

Я не могъ удержаться отъ замѣчанія: „Въ такомъ случаѣ ваши бесѣды должны были быть весьма занимательны“. Художникъ расхохотался и сталъ гораздо соощительнѣе.

Нельзя передавать бесѣды дословно: измѣненія иногда необходимы. Покойный Крафтъ-Эбингъ былъ допрошенъ много о значеніи Ибсеновской „Норы“ съ точки зрѣнія нервной патологии. „Признаюсь, я не читалъ Ибсена и нисколько не интересуюсь имъ“, — сказалъ онъ мнѣ. — Но я понялъ, что мысль ученаго не соответствовала его словамъ: онъ только не признавалъ тѣхъ патологическихъ теорій, которыя исходили отъ профановъ. Напечатать я его отвѣтъ дословно, не избѣжать бы мнѣ опроверженія.

Однимъ изъ моихъ первыхъ интервью была бесѣда съ „опереточной дивой“. Когда я явился въ назначенный часъ, то засталъ ее въ постели. Къ нашему разговору примѣшивался чай-то храпъ; онъ доносился съ другой кровати, стоявшей у окна. „Это мой импрессарио, — объяснила дива, — но пожалуйста, не пишете, что мы помѣщаемся въ одной комнатѣ“.

Раздраженный неблагоприятными отзывами, актеръ просилъ меня: „напечатайте съ моихъ словъ, что мнѣ наплевать на критиковъ!“ Но я предвидѣлъ, что онъ раскиснетъ въ своей откровенности, и не упомянулъ о ней въ газетѣ.

Почетное пораженіе нанесъ мнѣ Маркъ Твэнъ: когда наша бесѣда приблизилась къ концу, онъ сказалъ мнѣ, сохраняя совершенно серьезное выраженіе лица: „Вы четвертый интервьюеръ, посѣтившій меня сегодня; пожалуйста, упомяните, что послѣ каждого интервью я чувствую себя положительно помолодѣвшимъ“. Но я не исполнилъ его просьбы, предвидя, какъ отнесутся читатели къ такому заявленію.

Къ жизни театральнаго свѣтила.

На-дняхъ въ Лондонѣ вышла новая книга „Musicians Wit, Humor and Anecdotes C. I. Crogest“. Въ ней собрано немало интереснаго матеріала о жизни театральнаго свѣтила. Приведемъ нѣкоторые факты. Аделина Патти, оказывается, единственная пѣвица, удостоившаяся поцѣлуя монарха... конечно, публично. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Патти пѣла въ королевскомъ дворцѣ въ Мадридѣ. Привели и маленькаго короля. По этикету, пѣвица отдала глубокий поклонъ и поцѣловала ему руку. Но регентша-мать сказала: „Мой сынъ настолько вѣжливъ, что не позволитъ дамъ поцѣловать ему руку. Позвольте и ему васъ поцѣловать“ — Конеч-

но, Патти не возражала, и Альфонсъ XIII исполнилъ долгъ кавалера.

Патти впервые застраховала свой голосъ въ 10 тысячъ рублей — отъ временной (разовой) потери голоса и въ 80 тысячъ — отъ полной. Ей теперь за шестьдесятъ лѣтъ, но только дважды она имѣла поводъ требовать страховыя суммы за временное „безголосье“. Этимъ Патти обязана, вѣроятно, тому строгому режиму, котораго она придерживается съ давнихъ поръ: по утрамъ она полощетъ горло растворомъ соли, въ тѣ же дни, когда она выступаетъ на сценѣ, ничего не ѣстъ, кромѣ легкой котлетки или кусочка бифштекса, да и то съ утра; ведетъ вообще очень гигиенической образъ жизни и т. д.

На своемъ вѣку Патти заработала немало: по копейной мѣрѣ десять милліоновъ рублей. Выдался годъ, когда она имѣла чистаго дохода семьсотъ тысячъ; а были годы славы, когда за 2—3 часа пѣнія ей платили десять тысячъ и болѣе. Въ 1870 году Ковентъ-Гарденскій театръ пригласилъ Патти на 16 гастролей, по шести тысячъ за каждую.

Даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ей платили по 8 тыс. рублей отъ спектакля!

Эмма Кальве считала своей короной партіей „Кармень“. Когда она выступила въ ней впервые (это было въ Парижѣ), режиссеръ театра не могъ не заявить протеста: артистка одѣвала нижнюю юбку изъ дорогаго розоваго шелка. Работница съ сигарной фабрики не могла вѣдь себѣ позволить такой роскоши. Но артистка горячо вступилась за реальность своего костюма: она купила эту юбку въ Севильѣ... у работницы съ сигарной фабрики! Съ тѣхъ поръ, выступая въ „Кармень“, Эмма Кальве никогда не забывала одѣть этотъ своеобразный „амулетъ“.

Знаменитый англійскій теноръ Ревесъ не разъ рассказывалъ объ одной курьезной встрѣчѣ на станціи желѣзной дороги: сторожъ этой станціи узналъ артиста и обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: „Говорятъ, вы зарабатываете уйму денегъ. Пожалуй, всѣятеро больше меня?“ — А въ что получаете? — съ улыбкой освѣдомился теноръ. — „Восемнадцать шиллинговъ“) въ недѣлю, круглый годъ“. Теноръ открылъ ротъ: „Соль, ми, ре, соль... Вотъ вашъ годичный заработокъ, почтеннѣйшій“. Простакъ остолбенѣлъ, услышавъ такіе высокіе и „дорогіе“ звуки. Ревесъ, какъ и Дженни Линдъ, въ дни представленій никогда не сажались, даже вѣли стоя.

Эмма Руссель, концертируя въ одномъ испанскомъ городѣ, однажды получила коробку съ пирожными, какія пекутся въ булочныхъ не перваго разряда. Изъ слѣдующей вечеръ — опять пирожные; потомъ — еще... При выходѣ изъ театра Руссель, наконецъ, встрѣтила человека небольшого роста, который снялъ шляпу и обратился къ ней съ достоинствомъ настоящаго кастильянца. Онъ сообщилъ артисткѣ, къ ея неожиданному изумленію, что въ теченіе двадцати вечеровъ подрядъ она не сводила глазъ съ того мѣста галлерей, гдѣ сидѣлъ онъ и никто другой. Тронутый вниманіемъ пѣвицы, настоящій кастильянецъ предложилъ ей руку и сердце, кстаги упомянувъ, что его мать — собственница булочнаго заведенія, а онъ единственный сынъ, которому и достанется все состояніе булочницы. Руссель была тронута, но не согласилась, однако, познаниенно наслаждаться даровыми пирожными и пирошками, хотя бы и перваго сорта.

Въ парламентъ „по домашнему“.

Конгрессъ въ Вашингтонѣ является собою самое американское изъ всего, что только есть въ Америкѣ. Онъ проникнуть,

*) 9 рублей.

онъ дышетъ демократизмомъ. Никому не закрытъ доступъ въ это высшее государственное учреждение—безъ различія возраста, цвѣта, пола и безъ отношенія къ нарративному виду. Нѣтъ надобности запасаться ни входными билетами, ни рекомендаціями. Никому не порученъ контроль надъ посѣтителеми парламентарскихъ засѣданій. Зданіе, въ которомъ помѣщается конгрессъ, очень обширно, но пропорціально въ своихъ частяхъ. Сидѣнья расположены концентрическими рядами передъ президентскимъ мѣстомъ. Республиканцы размѣщаются слѣва, демократы — справа. Каждому депутату предоставлено вращающееся кресло и широкій пультъ. Въ дни открытія конгресса эти пулты покрыты букетами цвѣтовъ; восторженныензбиратели привѣтствуютъ своихъ избранниковъ. Даже на мѣстахъ, отведенныхъ представителямъ печати, можно нерѣдко видѣть живые цвѣты. Любопытно прослѣдить за поведеніемъ сидящихъ внизу и наверху во время засѣданія и трудно исчерпать въ описаніи всѣ курьезные эпизоды, которыми послѣднія отмѣчены. Однажды, на примѣръ, въ Утахъ избрали въ депутаты мормона, имѣющаго трехъ женъ. 300 женщинъ, наполнившія галлереи конгресса, устроили самую озлобленную демонстрацію, едва только онъ приступилъ къ выполнению своихъ обязанностей и собрался произнести рѣчь. Вообще же въ конгрессѣ все идетъ какъ-то „по домашнему“. За рядами, въ меньшемъ залѣ, отдѣленномъ отъ большого тяжелой занавѣсью, устроено курительное отдѣленіе, а въ боковой комнатѣ помѣстился нарикмахеръ. Съ трибуны журналистовъ видно, какъ депутаты предаются въ курительной своеобразному отдыху: они подымаютъ занавѣсъ и, потягивая толстѣйшія сигары, въ то же время прислушиваются къ тому, что говорится въ залѣ. Клубы синяго дыма вползаютъ въ большой залъ и крупными завитками подымаются къ потолку. На порогѣ нарикмахерской стоитъ негръ-брадобрей и весело скалтитъ ослѣпительные зубы. Если онъ не занятъ, отчего же ему и не послушать ораторовъ? Домашній характеръ обстановки дополняется присутствіемъ въ засѣданіи толпы жизнерадостныхъ мальшей: одни возсѣдаютъ на колѣняхъ у отцовъ-депутатовъ; надоѣсть—переберутся къ сосѣднему сидѣнью, которое имѣетъ уже то важное преимущество, что свободно вертится во всѣ стороны и порой даже издастъ легкій скрипъ. Законный же владѣлецъ этого кресла принужденъ удалиться въ курительную комнату. Случалось, что не по лѣтамъ развитой мальченка, торжественно поднявъ руку сомнительной опрятности, приносилъ присягу въ вѣрности конституціи. „Можно-ли представить себѣ что-либо болѣе трогательное?“—спроситъ иностранца чадолюбивый янки. Въ конгрессѣ служатъ нѣсколько десятковъ „пажей“ на посылкахъ. Когда они не заняты, то рассаживаются вокругъ президентской каедрой и втихомолку забавляются, какъ задумается; однако достаточно крикнуть „sergeant at-arms“, чтобы призвать къ порядку. Всѣмъ разрешено выражать свое одобреніе. И обширный залъ полонъ жужжанья верхнихъ рядовъ, шелестомъ газетныхъ листовъ, скрипомъ перьевъ, криками „пажей“, хлопаньемъ пултовъ. Надо обладать громовымъ голосомъ, чтобы покрыть этотъ шумъ и заставить себя слышать. Обыкновенно члены конгресса толпятся вокругъ ораторской трибуны, и только одни стенографы улавливаютъ подлинное содержание рѣчей. Такимъ образомъ, со стороны внѣшней обстановки, представительности — вашингтонскій конгрессъ одно изъ самыхъ своеобразныхъ учрежденій. Члены его одѣваются очень просто: въ сюртукахъ, съ низкою вырѣзанными жилетами, бѣлыми отложными воротниками и въ мягкихъ шляпахъ, они боль-

ше походятъ на десидентскихъ священниковъ, нежели на людей политики.

Маленькое путешествіе по Сициліи.

(Впечатлѣнія туриста).

Съ незапамятныхъ временъ Сицилія, пріютившаяся у подножія величайшаго вулкана, омываемая лазурными волнами прекраснаго моря, питала воображеніе поэтовъ. Не тамъ ли Одиссей сразился съ одноокимъ Полифемомъ и испыталъ смертельную опасность между Сициліей и Харибдой? Объ этомъ рассказывалъ три тысячи лѣтъ тому назадъ слѣпой Гомеръ, а нынѣ мы съ изумленіемъ слышимъ о романтическихъ подвигахъ „мафты“, о „сельскомъ рыцарствѣ“ и т. п. несовершенныхъ явленіяхъ. Кто, подготовленный этими толками, вздумаетъ посѣтить Сицилію, того ждетъ, конечно, разочарованіе: онъ встрѣтитъ лишь бѣдное племя, угнетенное безысходной нуждой. Ни красивыхъ, интересныхъ типовъ, ни даже горныхъ разбойничьихъ рожъ. Удивляется—значитъ не знаетъ истории этой благословенной земли. Въ древности ее оспаривали жизнерадостные греки у предприимчивыхъ карфагенянъ; позже—въ теченіе пятисотъ почти лѣтъ—она стонала подъ игомъ римлянъ; въ средніе вѣка ее наводняли германцы, византийцы, мавры, норманцы; еще позднѣе—нѣмцы, французы и арагонцы, въ новѣйшее время—она пережила трехсотъ-лѣтнее владычество испанцевъ, и только во второй половинѣ XIX ст. Сицилія освобождается изъ подъ власти бурбоновъ и сливается съ молодой Италіей.

Можно было бы думать, что отъ смѣшенія племенъ народится физически красивое поколѣніе. Но, очевидно, красота не разцвѣтаетъ тамъ, гдѣ царитъ нужда; и огромное большинство сицилианцевъ отличается очень незавидной наружностью. Тѣмъ не менѣе въ толпѣ не трудно отличить отдѣльныя черты той или иной расы изъ перебивавшихъ въ Сициліи: то пламенные глаза испанцевъ, то свѣтлыя кудри тевтонца, то меланхолическое лицо мавра. „Сантуцы“ также не блещутъ красотой. А сицилианскіе Ринальдо? Ихъ не видно. Населеніе несомнѣнно добродушнаго нрава, миролюбивое, а разбойничество также, несомнѣнно, вызвано, главнымъ, если не единственно, образомъ невыносимыми экономическими условіями народнаго быта.

Бѣдные люди, бѣдны растительность и животное царство. Въ эпоху римлянъ Сицилія слыла житницей Италіи; сохранилось преданіе, будто въ иныхъ лѣсахъ такъ сильно было благоуханіе цвѣтовъ, что охотничьи собаки сбивались со слѣда звѣри. Правда, общественные и частные сады въ Палермо поражаютъ прѣважаго разнообразіемъ своей тропической флоры; правда, по берегамъ тянутся густыя рощи апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ и среди потоковъ мертвой лавы, стекающей съ Этны, залегли полосы плодороднѣйшей земли; но за то, по мѣрѣ углубленія въ страну, передъ путешественникомъ развертываются все менѣе радостныя картины: безконечными рядами громаздятся другъ на дружку скалистые, голыя горы; ни лѣса, ни ни вы. И слышны жалобы: островъ не въ силахъ прокормить своихъ жителей, какъ ни скромны ихъ потребности. Какая тому причина? Она прежде всего въ томъ, что снѣдаемое алчностью люди истребили богатѣйшія нѣкогда лѣса и лишили страну ея естественныхъ водныхъ резервуаровъ; кроется она еще и въ томъ, что богатые землевладѣльцы проживаютъ свои состоянія въ Римѣ и Парижѣ, предоставивъ арендаторамъ выжимать послѣдніе соки изъ нищихъ крестьянъ.

Домашнее животное царство на Сици-

ліи представлено главнымъ образомъ осломъ; это терпѣливое созданіе выполняетъ самыя разнообразныя работы и довольствуется скуднымъ кормомъ. Крѣпкіе, широкорогіе волы идутъ въ упряжи; черныя свиньи заполняютъ переулки малыхъ городовъ. Что же касается дичи, то, если гдѣ и заведется тощая курочка, ей не спастись отъ двухъ охотниковъ, которые станутъ ее подстерегать чуть ли не со сворой собакъ. Богата Сицилія лишь насѣкомыми—ядовитыми и безвредными.

Прошло то время, когда цвѣли и славились города въ Сициліи. Уже двадцать вѣковъ назадъ Палермо, Сиракузы, Катанія и Мессина находились на вершинѣ своего могущества. Несмотря на такую давность происхожденія, въ нихъ теперь очень мало слѣдовъ древности. Постройки по большей части новѣйшаго типа. Въ общемъ, на городахъ лежитъ отпечатокъ не столько итальянскаго, сколько испанскаго вліянія. Встрѣчаются дома съ куполами и безъ малѣйшихъ укрупленій стѣнами; они напоминаютъ мечети; въ иныхъ церквахъ стѣны покрыты чудной золоченой мозаикой; ея орнаменты сдѣланы въ мавританскомъ стилѣ; онъ выстроены норманскими королями, слившимися съ северное искусство съ южнымъ, которое они восприняли у предшественниковъ—византийцевъ и мавровъ.

Что дѣйствительно прекрасно въ Сициліи—это картины природы, открывающіяся съ извѣстныхъ возвышенныхъ пунктовъ: на примѣръ, изъ древняго Кастро-Джованни, гнѣздящагося на вершинѣ горы, или знаменитой Таормины, которая царитъ надъ моремъ, надъ снѣгами и всей облитой солнцемъ Калабрійей.

Въ VIII в. до Р. X. греки высидились на берегахъ Сициліи и основали города Сиракузы и Агригентъ (нынѣ Гиренти). Эти города расцвѣли и въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія, и въ отношеніи умственнаго преуспѣянія; они считали въ числѣ своихъ гражданъ Эсхила, Пиндара, Сафо и Архимеда. Еще высится тамъ древніе храмы, плѣняющіе строгостью сочетанія своихъ линий и величавой простотой. Въ Сиракузахъ и Таорминѣ можно найти слѣды древняго театра: сидѣнья для зрителей вырублены въ скалѣ, въ глубинѣ же сцены виднѣтся не размалеванный холстъ, а широкій горизонтъ прекраснаго моря! Не трудно вообразить себѣ тотъ восторгъ, который охватывалъ зрителей, когда со сцены этихъ театровъ неслись чудные стихи Софокла и Эврипида.

Въ древней части Сиракузъ путешественнику покажутъ цитадель, выстроенную еще тиранномъ Діонисіемъ; она богата подземными ходами и кельями. Съ вышки цитадели взоръ падаетъ на гавань, гдѣ въ 413 году до Р. X. афинскій флотъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе. Въ предмѣстьяхъ города еще лежатъ огромныя каменные глыбы, и онѣ служили для защиты отъ врага. Опытный гидъ-монахъ покажетъ и „ухо Діонисія“—скалу, сквозь которую, по преданію, тираннъ подслушивалъ разговоры и слухи заключенныхъ въ подземелья; и катакомбы, и амфитеатръ—краснорѣчивые памятники христианскаго мученичества. Невольное умиленіе и грусть охватятъ того, кто одаренъ хоть скуднымъ воображеніемъ и хоть немного цѣнитъ историческое прошлое.

Но вотъ монахъ вывелъ посѣтителя изъ подземныхъ галлерей, загасивъ фонарь,—и вновь предъ очарованнымъ взоромъ блещетъ бирюзовое море.

И отдыхая отъ сильныхъ впечатлѣній, путешественникъ по Сициліи повторяетъ знаменательное изреченіе римскихъ мудрецовъ: „carpe diem!“—наслаждайся днемъ...

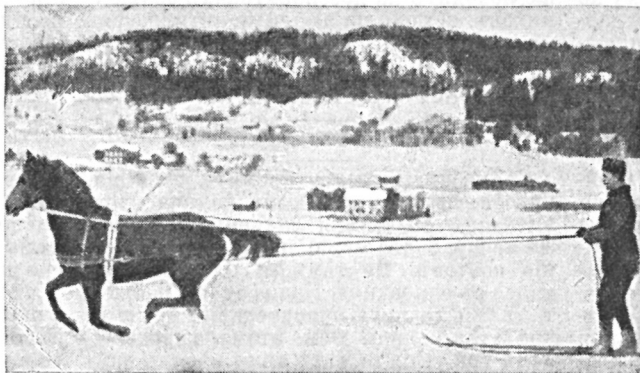
Новый норвежскій спортъ.

Два года назадъ на первыхъ сѣверныхъ играхъ въ Стокгольмѣ были испытаны новый видъ спорта: бѣганье на лыжахъ вслѣдъ за лошадыю. Впрочемъ, названіе спорта было бы не совсемъ точно: подобное упражненіе имѣло чисто практическое значеніе для военной службы въ зимнее время. Въ нашемъ отечествѣ, съ его безконечными снѣжными равнинами, бѣганье на лыжахъ издавна примѣняется крестьянами. Такой способъ передвиженія очень удобенъ, такъ какъ даетъ возможность человеку со средними силами пробѣгать довольно большія разстоянія по глубокому снѣгу. Одному лапландцу, напримѣръ, удалось пройти на лыжахъ болѣе двухсотъ верстъ безъ отдыха. Но съ другой стороны, это движеніе не достигаетъ значительной быстроты. Вотъ почему присоединеніе лошадиной силы, не требующее никакихъ сложныхъ приспособленій, является очень умѣстнымъ въ лыжномъ бѣгѣ. Оно получило уже примѣненіе въ шведской арміи. Какъ показано на нашемъ рисункѣ, отъ ходока на лыжахъ требуется лишь умѣнье править лошадыю при помощи очень длинныхъ возжей. Нужно лишь соблюдать равномѣрность движенія, и конечно, сохранить равновѣсіе.

Борьба съ насѣкомыми въ Австраліи.

Вооруженныя для успѣшной борьбы съ грозными силами природы и нерѣдко побѣдители въ бою съ ними, мы зачастую

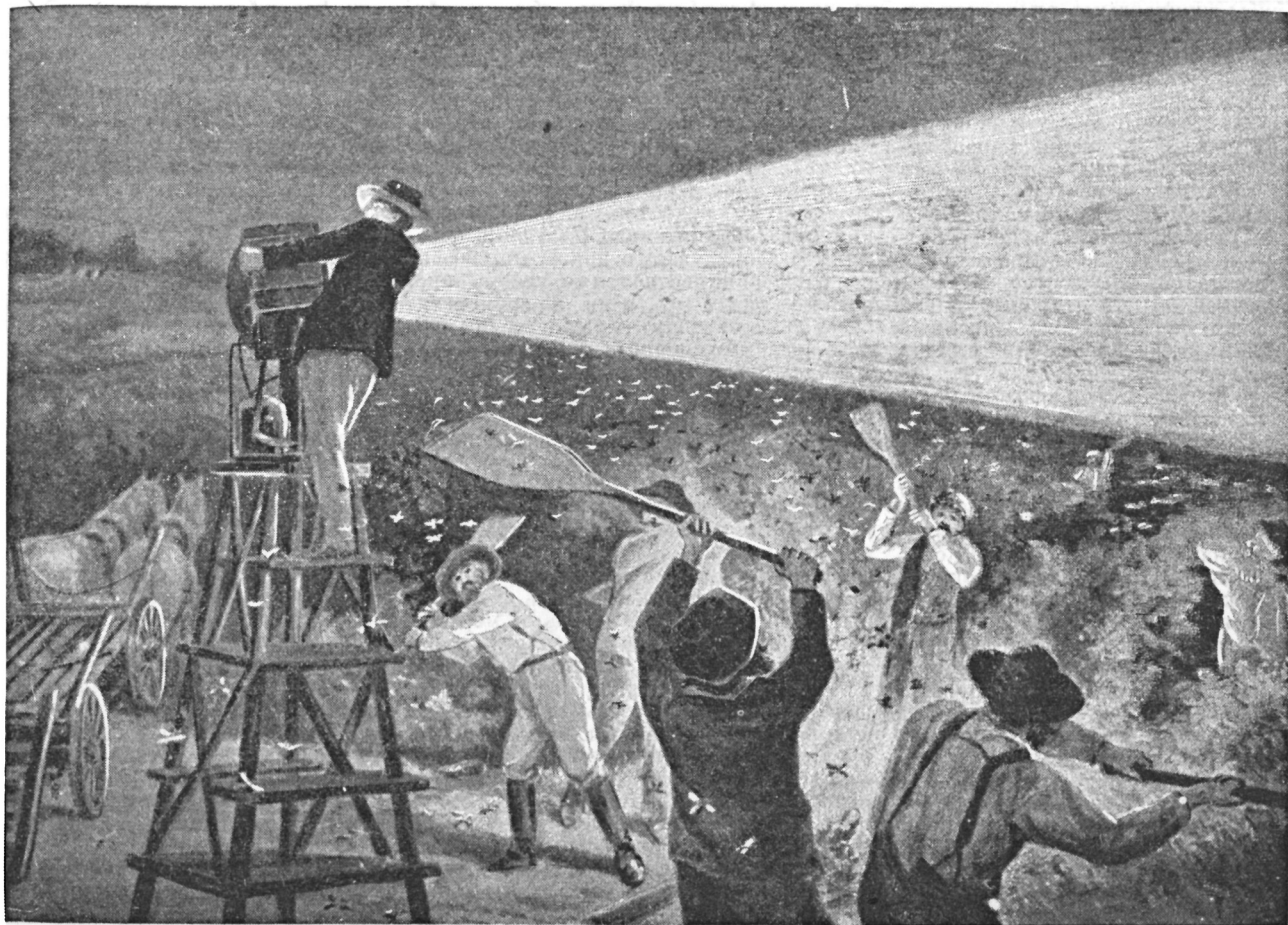

Новый норвежскій спортъ.— На лыжахъ за конемъ.

оказываемся совершенно безсильными передъ ничтожными, на первый взглядъ, препятствіями и такими же ничтожными, сравнительно съ нами, существами. Напримѣръ, насѣкомыя. Когда они соединяются въ полчища, въ тучи, и идутъ войной на наши поля, сады, огороды, каждый хозяинъ испытываетъ чувство мучительной тревоги. Саранча, майскій жукъ, филоксеры, полевая мышь—вотъ опасные враги земледѣльца. Въ Европѣ изобрѣтены кое-какія дѣйствительныя средства къ борьбѣ съ ними, но въ странахъ, въ которыхъ культура еще не слишкомъ высока, а населеніе разбросано, насѣкомыя причиняютъ много бѣдъ. Одна изъ такихъ странъ— Австралія. Ея поля и сады изъ года въ годъ терпятъ отъ ночныхъ бабочекъ. Порою населеніе лишается плодовъ полугодичной работы; посѣвы гибнутъ отъ нашествій много-

милліонной орды легкокрылыхъ. Какъ будто облака закрываютъ небо, и воздухъ переполняется своеобразнымъ шумомъ безчисленныхъ крылышекъ, словно возвѣщающихъ грядущее горе. Но въ той же Австраліи придумали практическое средство, которое способно достигнуть извѣстныхъ положительныхъ результатовъ, а потому заслуживаетъ описанія. Снарядъ для истребленія бабочекъ состоитъ изъ фонаря, водруженнаго на раздвижномъ шестѣ 10—12 метровъ длины и источника ацетиленоваго свѣта. Какъ только ступается сумерки, фонарь устанавливается въ томъ мѣстѣ, которое ожидаетъ нападенія врага, — и волны ослѣпительнаго свѣта прорѣзываютъ тьму на далекое пространство

Конечно, ночныя бабочки спѣшатъ къ источнику свѣта летать къ нему тысячами, десятками тысячъ. Но подъ фонаремъ разложены костры. Люди, вооруженные широкими, но легкими шестами, бѣгутъ по густой массѣ бабочекъ и повергаютъ ихъ въ пламя. Завязывается ожесточенный «бой бабочекъ», онъ стихаетъ лишь черезъ нѣсколько часовъ, когда остатки непріятеля отступаютъ съ поля сраженія. Снарядъ переводятъ на другое мѣсто, нѣсколькими милями дальше, чтобы возобновить борьбу. Конечно, описанный приемъ сравнительно примитивенъ, но ему, пожалуй, должно отдать предпочтеніе передъ другими выдумками, хотя и болѣе эффектными, за-то и чисто теоретическими.

Истребленіе насѣкомыхъ съ помощью электрическаго фонаря на австралійской плантаціи.